

УДК 82-312.9+316.75
ББК 83.8+84(2)

Ю. А. Аникина

**ПРИЕМЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ
ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТА
В АНТИУТОПИИ
В.П. КРАПИВИНА
«ГУСИ-ГУСИ, ГА-ГА-ГА...»**

Статья посвящена рассмотрению характерных особенностей эскалации конфликта в повести В.П. Крапивина «Гуси-гуси, га-га-га...» как основ для формирования сюжетообразующего синтеза внешнего и внутреннего конфликта, характеризующегося последующим переходом из деструктивного конфликта в конструктивный, а также с целью определения его роли в преодолении героем ситуации сложного нравственного выбора.

Ключевые слова: *В.П. Крапивин, конфликт, конфликтоген, антиутопия, герой-подросток, фантастика, психология конфликта.*

Аникина Юлия Андреевна – аспирант кафедры литературы Волгоградского государственного социально-педагогического университета

Тел.: 8-917-332-91-49

E-mail: camellia4julia@gmail.com

© Аникина Ю.А., 2013.

Научно-фантастический цикл В.П. Крапивина «В глубине Великого Кристалла» включает в себя произведения, объединенные, помимо общей топологии, еще и социальным планом содержания, актуализирующим внимание читателя на сложных аспектах социализации подростка. Видение мира взрослых глазами ребенка – характерная черта всей прозы писателя, однако именно в произведениях данного цикла впервые в повествование проникает антитоталитарная тема, реализуемая не только на «детском», но и на «взрослом» уровне содержания, в первую очередь, в воспроизведении эволюции героя-взрослого. Подобный процесс мы наблюдаем в повести В.П. Крапивина «Гуси-гуси, га-га-га...», имеющей все жанровые признаки антиутопии, в том числе и наличие характерного конфликта, который возникает, как правило, там, где главный герой восстает против существующего строя, а эскалация конфликта обычно зависит только от поведения персонажа, от степени его сопротивления власти. Именно благодаря раскрытию этого вида конфликта В.П. Крапивин выводит на новый смысловой уровень тему защиты детства.

Главный герой повести – обыватель Корнелий Глас из Руты, получает предписание явиться на собственную казнь за неправильный переход улицы. В Западной Федерации, в благополучном мире будущего, эту стандартизированную процедуру наказания, своеобразный ритуал «великой лотереи», выполняет обезличенная для простых индексов (граждан)

Машина. Отметим, что ритуализация жизни является неотъемлемой структурной частью антиутопии. По мнению Б.А. Ланина, «общество, реализовавшее утопию, не может не быть обществом ритуала. Там, где царит ритуал, невозможно хаотичное движение личности. Напротив, ее движение запрограммировано. Сюжетный конфликт возникает там, где личность отказывается от своей роли в ритуале и предпочитает свой собственный путь» [Ланин, с. 6]. Именно Корнелию Гласу выпадает почти невозможный шанс – один из миллиона. Дело в том, что из-за накладок в процессе исполнения приговора Глас остаётся жив, но по документам казнь уже проведена и его индекс исключён из системы. И если сначала отказ от собственной ритуальной роли происходит не осознанно, то в дальнейшем, в результате эскалации конфликтогенов, герой обретает собственную жизненную позицию, противоречащую интересам системы. Теперь Корнелия нельзя ни казнить официально, ни выпустить на волю. Нарушается некий «статус кво», причём этот процесс в повествовании почти не отделим от истории укоренения режима правления государственной Машины: «В детские годы Корнелия понятие “прогресс” все чаще заменялось термином “стабильность”. Стабильность во всем – в экономике, в семейной жизни, в технике, в характерах, в науке <...>. Человек рождается на свет единожды и вправе прожить свой век без потрясений и с минимальным числом печальных дней. Стабильность становилась основой бытия. О ней писали как о средстве от всех несчастий. Это слово дети слышали намного раньше, чем начинали понимать во всей полноте» [Крапивин, с. 16].

Справедливости ради следует сказать, что далеко не все события во времена детства Корнелия отвечали требованиям провозглашаемой стабильности. Впервые открытый нравственный конфликт, граничащий с кризисом идентичности, мальчик пережил ещё в школьные годы, в юности же в жизни героя происходит то, что Эриксон определяет в своих работах как «идентичность против ролевой диффузии» [Заиченко, 2000 а, с. 29]. До встречи со своим одноклассником Альбином Ксото Корнелий, привыкнув к роли «мули», находит выход из межличностных конфликтов с помощью «подавления эмоций, которое чревато появлением неуверенности в себе и чувства досады, приводящего к усугублению конфликта и к формированию чувства несостоятельности» [Заиченко, 2000 а, с. 30]. Автор не случайно постоянно погружает героя повести в детские воспоминания, ведь в начале своего пути, как и в детстве, когда случались неприятности, у Корнелия возникала лишь одна мысль: «Святые Хранители, за что же это мне? Чем я хуже других?» [Крапивин, с. 8]. Именно этот иррациональный детский страх персонажа оказаться хуже других, быть осмеянным и униженным позволяет читателю видеть перед собой не взрослого человека, столкнувшегося со страхом смерти, а неуклюжего круглового мальчишку по прозвищу Дыня. Об этом говорят его нелепые движения, почти детская мимика и лишь один крик, прерывающий поток воспоминаний: «Я! Не! Хо-чу!» [Там же]. Писатель в самом начале умышленно рисует немногословный, невыразительный

облик главного героя, указывая на полное отсутствие у него возможности, а главное – желания сохранить уникальность собственной личности. В дальнейшем для преодоления кризиса идентичности Корнелий должен решить: стать ли ему независимым фантазером и бунтарем подобно Альбину Ксото или же спроецировать образ добропорядочного, терпеливого «мули» во взрослую жизнь? Кульминацией данного выбора становится эпизод с ночным походом в зонг, запретную зону. К мальчику возвращается страх, с которым он не расставался все школьные годы: «Двое суток жил Корнелий в липком, расслабляющем страхе. И с трудом скрывал этот страх. Наступил день приключения. Утром Корнелий вышел в сад. У крыльца валялась деревянная рейка с торчащим гвоздем. Корнелий зажмурился... Потом он говорил себе, что на это нужна была тоже смелость. Пускай дезертирская, пускай такая смелость, с которой трусливый солдат отрубает себе палец, чтобы не идти в бой, но все-таки... Попробуйте вот так, с размаху, ударить босой ногой, чтобы гвоздь распорол ступню...» [Крапивин, с. 70 – 71].

Многие исследователи отмечают, что одной из характерных черт конфликта в антиутопии является конденсация садо-мазохистских тенденций в социуме. Это подтверждает сознательный акт маленького Корнелия, свидетельствующий о желании ребёнка подчиниться общественным установкам, несмотря на наличие внутреннего конфликта и стремление разделить идеалы друга. В данном случае социальный и психологический конфликты синтезированы во внутреннем «Я» главного героя. Подобный процесс детально описан Э. Фроммом, отмечающим, что «при мазохизме индивид побуждается к действию невыносимым чувством одиночества и ничтожности. Он пытается преодолеть это чувство, отказываясь от своего «Я» (в психологическом смысле); для этого он принижает себя, страдает, доводит себя до крайнего ничтожества. Но боль и страдание – это вовсе не то, к чему он стремится; боль и страдание – это цена, он платит ее в неосознанной надежде достичь неосознанную цель» [Фромм, с. 180].

Чувство вины и образовавшуюся на его фоне склонность к самоуничтожению Корнелий переносит во взрослую жизнь, всякий раз стремясь найти оправдание своим мыслям и поступкам. Но эти попытки не даруют ему гармонии и покоя, поскольку со временем мотивационные основы его деятельности, трансформируясь, становятся интроецированными. На поведенческом уровне герой зависим от чужого мнения, тревожен, он отдаёт предпочтение защитным формам поведения, например, вытеснению. Корнелий пытается забыть о событиях критического периода своего детства и подчинить собственную жизнь обывательской рутине. При этом герой повести осознает, что его реальное бытие состоит лишь из стремления к пассивному комфорту и намеренному уходу от конфликтов. Он старается избавиться как от позитивных, так и от негативных переживаний: «По правде говоря, женитьба была не столько из-за пылких чувств, сколько из-за желания иметь уютный угол с хозяйкой... Ну и что? Жили не хуже других. Как положено, появилось дитя,

Клавдия назвала дочку Аллой. <...> Потом вдруг поймал себя на мысли, что так до конца и не проникся ощущением, что эта девочка – его дочь» [Крапивин, с. 23].

Под воздействием обстоятельств происходит необратимая ломка обывательского сознания героя. Ощущение близости смерти помогает Корнелию иначе взглянуть на своё прошлое. Дни и часы, оставшиеся до исполнения приговора, кажутся ему истинной жизнью, наполненной радостью осознания своей нужности другим людям. Именно поэтому Корнелий Глас возлагает на себя миссию защиты и спасения детей, подпавших под его попечение в тюремном интернате. Глас освобождает безындексных ребятишек и помогает им перенестись в иной, более благополучный мир, где дети наверняка обретут новую семью и новую жизнь. Процесс вытеснения и замалчивания уступает место конфликтному противодействию героя социальному строю системы и собственным страхам и порокам. Таким образом, становится очевидным, что психологическая перестройка личности Корнелия Гласа, преодоление им кризиса идентичности сопровождается сложным синтезом внутрилличностных и межличностных конфликтов.

Раскрывая главный конфликт антиутопии (противостояние социальной среды и личности), В.П. Крапивин использует целый ряд художественных приёмов. Автор детально воспроизводит поток мыслей и эмоций героя, демонстрируя, как желание спасти детей побуждает Корнелия Гласа к активным действиям. И если в начале произведения чаще всего по отношению к главному герою используются такие эпитеты, как «тяжелый» и «тихий», то впоследствии «тяжесть» и «округлость» исчезают. Писатель неоднократно подчеркивает перемены, произошедшие в образе жизни и в характере Корнелия: герой повести будто «подтянулся» как внешне, так и внутренне, стал решительнее, потерял склонность к равнодушию. Разрешение внутреннего кризиса позволяет персонажу Крапивина осознать цель существования и таким образом обрести собственную идентичность в качестве отдельной личности, а не части всепоглощающей Юридической машины: «Персонажу необходимо осознать необходимость и неизбежность своего отрыва от государства. Возникает искусительный мотив. Персонаж оказывается в ситуации выбора, и выбор делает его героем. То есть социальная подоплека конфликта обогащается подоплекой психологической» [Ланин, с. 5]. Таким образом, эволюция главного героя напрямую связана с преодолением кризиса идентичности, с возвратом к жизненным ориентирам, с «разрушением садо-мазохистского комплекса, что и приводит к нарушению статус-кво в системе» [Там же, с. 7].

Безындексные дети окончательно изменяют внутренний мир Корнелия, он всё больше привязывается к ним, чувствуя себя в ответе за каждого: ведь они изгой от рождения, своеобразный брак в строгой системе индексов. Воспитанные в страхе, дети поначалу не доверяют Корнелию и не понимают, почему он не наказывает их жгутом, ремнем или вызывающей судороги инъекцией. Стараясь не думать о возможной ги-

бели детского мира, герой-взрослый с трепетом внимает странной песенке, повторяющейся, словно мистическая мантра. Эта мелодия является воплощением единственной призрачной детской надежды – улететь в идеальное место, которое принято называть «Луга»:

Гуси-гуси, га-га-га!
Берегитесь врага!
До лугов далекий путь,
Не садитесь отдохнуть... [Крапивин, с. 90]

Окончательное становление Я-концепции Корнелия происходит после его знакомства с новоприбывшим ребенком, Цезарем Лотом – сыном известного лётчика. Этот мальчик, принадлежащий, по определению В.П. Крапивина, к типу детей-«койво», наделён способностью стирать у людей индексы, в результате чего его родители оказываются в секретном институте в роли подопытных, а сам он – в тюремном интернате для безындексных детей. Дети-«койво» могут проникать в иные миры и даже существовать в пограничном пространстве. Эти чрезвычайно ранимые, замкнутые существа обладают необычными талантами, у них ярко выражено чувство справедливости, нетерпение к злу и насилию. Общение с маленьким мальчиком способствует эскалации конфликта смысла «Я», возникающего в результате соотнесения героем собственных свойств с мотивами деятельности: «В детстве Корнелий читал о страхе птицы, которую после неволи выпускают из окна. Открывшийся мир кажется ей жутко громадным и полным угроз. Она рвется назад – в комнату, в привычную клетку!..» [Крапивин, с. 147]. До последнего момента собственная мотивация кажется Корнелию иррациональной, что подтверждает его реплика в диалоге с Моховым: «Это я-то экстремист? Перепуганный кролик...– По-моему, вы просто не знаете себя до конца» [Там же, с. 203]. Однако общение с Петром, Моховым, Киром и другими представителями подполья убеждает Корнелия, что его дальнейшие поступки и мысли свидетельствуют о необратимости перемен во внутреннем мире героя: «Помимо ближней и дальней целей была у Корнелия цель общая: жить. Жить вот так, с риском, с неожиданными событиями, со смыслом. Со вкусом. Ощущать эту жизнь каждым нервом. Замечать каждую мелочь, радоваться каждой искре солнца после дождя, каждому глотку во время жажды» [Там же, с. 210].

Следуя канонам жанра антиутопии, при описании поведения главного героя В.П. Крапивин сочетает реалистические и фантастические элементы повествования. В овеянном легендами Храме Девяти Щитов отец Петр рассказывает Корнелию о существовании организованного подполья и о гипотетической возможности перехода детей по граням Кристалла из одного пространства в другое, где их ждет спасение. Помогая детям, Корнелий Глас, находящийся в духовной и фактической оппозиции целому государству, обретает истинные моральные ценности. Он преодолевает в финале повести конфликт, имеющий в своей основе «несовпадение процессуального и мотивационных аспектов деятельно-

сти» [Заиченко, 2000 б, с. 30]. Сценарий эскалации внешнего конфликта, требующий четкого исполнения намеченных действий, развивается по схеме внутреннего конфликта, с характерной для него ориентацией на творческую мотивацию. В результате этих процессов главный герой обретает связь с сакральными символами, поэтому весь процесс разрешения конфликта можно назвать преодолением морального одиночества. Не случайно Корнелий Глас становится одним из Командоров. Отметим, что тема командорства красной нитью проходит через весь цикл «В глубине Великого Кристалла»: «Крапивин видит возможное спасение детей в этом мире только при условии наличия в нем “недреманного ока”, которое и предстает в цикле в образе Командора. Архетип отца, или мудрого старца, у Юнга, как отмечает немецкий исследователь Ханс Гюнтер, обладает чертами, похожими на фигуру помощника у В.Я. Проппа. Так же, как и сказочный помощник, архетип Отца появляется в повествовании тогда, когда герой очень нуждается в помощи или авторитетном совете» [Головина, с. 93].

Согласно точке зрения автора, Командоры и Хранители являются некой высшей ступенью развития взрослого сознания, которое после многочисленных испытаний, кризисов и конфликтов начинает меняться изнутри, в результате чего мы наблюдаем традиционный для крапивинской прозы синтез внешнего и внутреннего конфликта с последующим переходом деструктивного конфликта в конструктивный. И, как следствие этого перехода, герой-взрослый, в данном случае господин Корнелий Глас из Руты, превращается в героя-Командора, безгранично верящего в детей и в то, что именно они спасут мир.

Литература

Головина Л.Г. Реализация христианского мифа в цикле В.П. Крапивина «В глубине Великого Кристалла» // Филол. науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2010. № 1 (5). Ч. 1.

Заиченко Н.У. Психология конфликта. Ч. 1: Психологические аспекты и возможности разрешения внутриличностных конфликтов. М., 2000 а.

Заиченко Н.У. Психология конфликта. Ч. 2: Психологические аспекты и возможности разрешения межличностных конфликтов. М., 2000 б.

Крапивин В.П. Гуси-гуси, га-га-га... М., 2002.

Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия XX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993.

Фромм Э. Бегство от свободы : пер. с англ. М., 1990.